УДК.340.11

ШКОДА В.В.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИКЕ

Нынешние философы, размышляющие о праве, смотрят на него со стороны. Их почти не интересует право, в которое они, вместе с окружающими их людьми, погружены. Они даже не называют его правом, употребляя для этого специальный термин «позитивное законодательство». Они, судя по всему, не читают Кодексов. То право, которое их интересует, они называют «высоким правом», «естественным правом» и т.п. По-видимому, философскую заботу о земном праве они препоручают юристам. Что из этого получается, можно увидеть, полистав правоведческие журналы. Между тем, классики философии во все времена сосредоточивали свое внимание именно на том праве, по которому вынуждены жить люди.

О философии права пишут у нас недостаточно. Может быть, потому, что эта дисциплина долгое время была в загоне. В те времена, когда считалось, что право – это не то, о чем можно свободно рассуждать. А если рассуждать и позволялось, то только в узких рамках классового подхода. Вообще, философия права актуализируется всякий раз, когда в обществе осознается необходимость существенно трансформировать правовую систему. Сегодня мы живем в такое время. И от активности в области философии права не в последнюю очередь зависит, будет ли создана в Украине правовая система, отвечающая ценностям демократии. Не надо стесняться признания, что все мы – и философы, и юристы-теоретики, осваиваем сегодня философию права. Это действительно так. А раз так, то небесполезно обращаться к классическим текстам, пытаться прочесть их в контексте современных проблем.

В настоящей статье предлагается разбор двух сочинений Канта и Гегеля. Есть все основания считать, что моральная и правовая философия была для видных представителей немецкой классической философии важнейшим делом. Сочинения, этому предмету посвященные, писались в конце жизни, как итог многолетней творческой деятельности. Кант опубликовал «Метафизику нравов» за семь лет до смерти. Этой книгой, завершалась его длительная работа над этическими проблемами. «Философия права» Гегеля вышла в 1821 году. Это была его последняя прижизненная публикация. Знаменитая метафора о фило-

софии – «сова Миневры, вылетающая в сумерках» - появилась в нем. Не менее знаменитая сентенция «что действительно, то разумно» оттуда же.

Кант «Метафизика нравов в двух частях»

Это сочинение под названием «Metaphysik der Sitten» вышло двумя отдельными частями, первая часть в апреле, вторая в августе 1797 года. Русской философской традиции оно практически не было известно. В Словаре Брокгауза и Эфрона Владимир Соловьев, писавший статью о Канте, в перечне его трудов не упоминает «Метафизику нравов». На русском языке она появилась только в 1965 году. Считается, что название «Metaphisik der Sitten» правильнее переводить как «Метафизика нравственности». Но так уж сложилось, и можно понять, почему. Слово «нрав» использовано здесь во множественном числе, чтобы обозначить две системы норм, организующих поведение людей - право и мораль. Вообще «нрав» в русском языке характеризует область воли в отличие от ума. Более архаичная форма – «норов», связана со словами «желать», «хотеть», «упрямиться». Сам Кант указывает, что хотя немецкое слово Sitten, как и латинское mores, означает лишь манеры и обращение, а, вообще говоря, законы, основанные на традиции и практическом опыте, в учении о нравственности речь должна идти не об этом, а о повелениях разума, основанных априори, т.е. независимо от опыта. Только при таком условии это учение может быть метафизическим. Иными словами, разум здесь предписывает, как поступать в конкретном случае, даже если нет никакого предшествующего примера.

Итак, две части «Метафизики» – это учение о праве и учение о добродетели[4]. Вначале право, затем мораль. Такое расположение не всем нравится. А еще более не нравится обнаруживаемый у Канта, как говорят, «отрыв» права от морали. В его учении нормы права регулируют исключительно внешние отношения между людьми, или поступки, а нормы морали касаются намерений или внутренней мотивации. Читатели Канта, из тех, кто больше уважает мораль нежели право, опасаются еще и того, как бы право, выставленное вперед, не было истолковано в качестве принципиальной основы морали. Увы, Кант, по-видимому, как раз это и имел в виду. В известном смысле право действительно первично. Право требует всего лишь не делать зла. Делать добро – это более сложная форма поведения, следующий шаг. В

[4] В этой статье, посвященной философии права, мы рассмотрим только первую часть – «Метафизические начала учения о праве»

праве человек должен подчиняться закону, в морали он закон исполняет (в евангельском смысле этого слова).

Кант – великий методист. Часто предпочитают говорить «формалист». Конечно, немецкая манера. Но не будем забывать еще, что Кант всю жизнь преподавал разнообразные дисциплины. Формы значимы, потому что - вечны. Кто-то когда-то открыл шар (так утверждает древнегреческий историк философии Диоген Лаэртский), и всю последующую историю человек только и делает, что реализует (овеществляет) эту форму, т.е. изготавливает шарообразные предметы – пушечные ядра, теннисные мячи, шоколадные конфеты и т.д. И будет делать это вечно, применяя вещества нам еще неведомые. Кто-то вывел с математической строгостью, что в романах и драмах встречается всего тридцать шесть ситуаций. Так что, как бы ни изощрялся еще не родившийся писатель, тридцать седьмой ситуации он не выдумает. Как не выдумают никогда пятое действие арифметики. Кант – великий формалист, поэтому его философия никак не может устареть. Вот пример поразительной всеохватности формы. Если вы захотите описать, как надо поступать в той или иной конкретной ситуации, вы никогда не закончите своей работы, это ясно. Но форма, или формула, может охватить сразу всю бесконечность ситуаций. Достаточно сказать: «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лук. 6, 31). Конкретно о реальных поступках ничего не сказано, и в то же время сказано все. Нечто подобное делал Кант в своей философии.

Замечательные примеры формализма обнаруживаем мы в «Критике чистого разума». Видов суждений, которыми оперирует человеческое мышление, всего четыре. А каждый вид в свою очередь содержит «три момента». Выходит, что какое бы суждение мы не сочинили, о чем бы мы не мыслили, выйти за пределы этих двенадцати разрядов невозможно. И категорий всего двенадцать, не больше и не меньше.

Формализм – не привходящее свойство философии Канта, это - ее качество. А проявляется это качество и в том, что тексты Канта подробно структурированы. Взглянем на Содержание в конце тома. Взглянем на таблицу в конце Предисловия. Еще не дошло дело до Введения, а учение о праве в самом тексте уже получило подробное деление. Видно, что в самом общем смысле право делится на частное и публичное. Бросается в глаза несоответствие: частное право разработано несравненно обстоятельнее, нежели публичное. Этому дано объяснение: проблемы публичного права «как раз сейчас составляют предмет столь многочисленных дискуссий и в то же время столь важны, что вполне оправдано отложить на некоторое время окончательное

решение» [5] Приоритет частного права – признак существенный. Где это наблюдается, там признается правовой статус частного лица как базовой ценности. Философия права Канта хорошо согласуется с политической философией либерализма. Свобода, личный интерес, что считать в правовом отношении моим, а что – твоим – вот какие предметы рассматриваются здесь прежде всего. Идеальная модель общественного устройства с этой точки зрения – независимые индивиды, действующие в одиночку, а при невозможности избежать всякой связи с другими, вступающие только в такое сообщество, в которых «каждому может быть сохранено свое».

Различение частного права и публичного дано в конце раздела «Введения в метафизику нравов вообще». Частное право отождествлено там с естественным правом, а публичное - с гражданским. Это место может вызвать у читателя затруднения: как можно отождествлять публичное право с гражданским, если, согласно современной терминологии, гражданское право является ядром частного права. Недоразумение здесь чисто терминологическое. Кант использует термин «гражданское» в особом смысле, не совпадающем с его толкованием в современной юриспруденции. Гражданское состояние, по Канту, - это жизнь людей, образовавших политический союз, т.е. государство. В этом состоянии и действует публичное право. Естественное состояние – состояние дополитическое, в котором общество как бы складывается только из частных лиц, преследующих свои собственные интересы. Здесь действует частное право. Надо заметить, что в нашем сознании понятие «естественное состояние» ассоциируется с именем Гоббса, который трактует его иначе, чем Кант.

Из раздела «Введение в метафизику нравов» особенно важен пункт IV. Здесь даны определения основных понятий, или, можно сказать, вводится специальный язык, на котором автор намеревается обсуждать далее правовые и моральные проблемы. Среди этих понятий важнейшим является, по-видимому, первое и последнее – «свобода» и «вменение». О свободе умолчим, ибо о ней вся книга Канта. «Вменение» – специальный термин, его можно более или менее строго истолковать (в дополнение к тому, что сказано Кантом). В русском языке это слово появилось в 1765 году благодаря астроному Степану Яковлевичу Румовскому, участвующему в составлении первого этимологического словаря Российской академии. «Вменением» передавался смысл

[5] И.Кант. Сочинения в шести томах. М., 1965, т. 4 (2), стр. 116. Далее в этом разделе при ссылках указываются только страницы этого тома.

французского слова «imputabilité», которое в свою очередь происходит от латинского «imputo». Последнему можно сопоставить такую, например, конструкцию – «при-мысливать, полагать, считать, признать, что действие, которое совершено, совершено свободно». Кстати, «puto» означает «размышлять», «полагать» и т.п. Таким образом, вменить, значит примыслить, приписать, кому-либо действие как свободное, или признать, считать кого-то совершившим действие именно как свободное. Можно увидеть, что без «свободы» не может обойтись ни одно определение из приведенного Кантом списка.

Следует упомянуть еще понятия «лицо» и «вещь» как важнейшие. Уже Аристотель считал, что этими понятиями исчерпывается вся проблематика права. Из определения лица, которое дает Кант, видно, что вменение – не просто приписывание поступка. Обратим внимание на часть определения лица: «…чьи поступки могут быть ему вменены». Поступки, так сказать, принадлежат ему (субъекту) это ясно, но они не могут быть ему вменены, если совершены не свободно. Вещь определяется как предмет, «которому ничто не может быть вменено». Отсюда, кстати, следует парадоксальный, но формально верный, вывод: невменяемый человек есть вещь. А действие, им совершённое и имеющее признаки преступления, - всего лишь несчастный случай.

Частное право. Правовая и моральная философия Канта, или метафизика нравов, тесно связана с теорией познания, изложенной в его «Критике чистого разума». В этом сочинении показано, как уже упоминалось, что существует всего четыре класса «чистых рассудочных понятий» или категорий. К нравам имеет касательство класс отношений – субстанция, причинность и общение. На базе этих трех категорий строится аксиоматика права. Субстанции соответствует телесная вещь, причинности - произвол другого для определенного действия и, наконец, общению – состояние другого в отношении ко мне. Все эти три элемента могут быть внешними предметами моего произвола. Я может владеть ими. Способ их приобретения определяют три вида права, образующие частное право, а именно – вещное право, личное право и вещно-личное право. Заметим, что эта метафизическая классификация плохо согласуется с современной юридической терминологией.

Вещное право – не только право на вещь, но и «совокупность всех законов, касающихся вещного мое и твое» (стр. 174). Здесь можно поставить простой вопрос: почему Кант, рассуждая о праве, постоянно оперирует понятиями «мое» и твое»? Почему не упоминается «наше»? Кант – представитель либерализма, таким мог бы быть ответ. Однако, это не ответ по существу. Дело в том, что «наше» может мыс-

литься в качестве первоначального совместного владения, каковое совершенно необходимо, чтобы появилось «мое». Иными словами, «мое» - это часть того, чем первоначально владели все. Отсюда и происходит слово «частное». Поскольку всякая вещь находится на земле, первое, что может быть приобретено моим односторонним произволом, является сама земля. Понятно, почему в разделе «О вещном праве» земле уделено большое внимание.

Личное право можно было бы определить, по аналогии с вещным, как право на лицо. Этого, конечно, не следует делать, ибо выражение «право на лицо» логически некорректно. Лицом нельзя владеть, лицо свободно. Кант определяет личное право как владение произволом другого. Это значит, что я и другой вступают в такое отношение, когда другой не может совершать определенных действий без моего согласия. Поскольку в подобных ситуациях происходит взаимное связывание произвола лиц, практически весь раздел «О личном праве» посвящен договору.

Вещно-личное право «представляет собой право владения внешним предметом как вещью и пользования им как лицом». Можно сказать, что это - абсолютное личное право. Область его действия составляют три вида отношений: мужчина – женщина, родители – дети, семья – прислуга. Кант не был женат и, как предполагают его биографы, не знал женщин. Его дотошные натуралистические определения, касающиеся сферы сексуальных отношений могут вызвать улыбку у современного читателя. Например, Кант уверяет, что «если мужчина и женщина хотят наслаждаться половыми свойствами друг друга, они необходимо должны вступить в брак» (стр. 192). Это следует из правовых законов чистого разума. Но, вчитавшись, начинаешь понимать, что не все оказывается безобидно наивным.

Чистый разум Канта признает только моногамию. В полигамном браке нарушается условие равенства владения лиц друг другом – «лицо, отдающее себя другому, получает лишь часть того, кому оно предоставляет себя целиком» (стр. 193). Из этого арифметического соображения почему-то следует, что такое лицо «превращает себя просто в вещь». Европейскому холостяку Канту этого соображения достаточно, чтобы осудить всю неевропейскую культуру. Еще оказывается, что люди вступают в брак «ради пожизненного обладания половыми свойствами друг друга». Именно это является предметом договора. Личное право совпадает здесь с вещным правом. Поэтому уход одного из супругов к третьему лицу можно рассматривать как нечто вроде кражи. Стало быть, другой супруг «вправе в любое время и беспрекословно вернуть его, словно вещь, в свое распоряжение» (там же). По-

видимому, чистый разум Канта не допускает права жены обвинить супруга в изнасиловании. Столь же мрачноватые мысли встречаются и в рассуждениях о родителях и детях. Вот одна из таких мыслей. «Появившийся на свет внебрачный ребенок родился вне закона, стало быть, и вне охраны его. Он как бы вкрался в общество (подобно запрещенному товару), так что общество может игнорировать его существование» (стр. 262).

Итак, рассмотрены три вида действительного права - вещное, личное и вещно-личное. Однако комбинаторика лица и вещи этим не исчерпана. Формально возможно еще и лично-вещное право. «Формалист» Кант, конечно, не может на этом не остановиться. И пояснить, что реально вещно-личное право невозможно в силу, так сказать, неравенства лица и вещи, а точнее, невозможности «мыслить право вещи по отношению к лицу». «Невозможно мыслить» означает здесь следующее: формально это возможно, но сегодня мы не находим этому адекватной интерпретации, то есть не встречаем ситуаций, когда вещь предъявляет свои права лицу, или когда лицо нарушает права вещи. Здесь надобно вновь указать на то, что формальное универсально, оно схватывает и то, что есть и то, что, в принципе, может быть открыто в будущем. Формальный мир экстенсивно богаче мира реального. Так вот, вполне возможно, что мы уже близки к признанию лично-вещного права, если экологическое мышление будет развиваться в том направлении, в каком оно развивается в настоящее время. Право природы – сегодня не такая уж фантастика.

Публичное право. Странный, на первый взгляд, признак, отличающий, по Канту, публичное право от частного, – то, что первое составляют законы, нуждающиеся в обнародовании, а второе – законы, не нуждающиеся в обнародовании (стр. 116). Дело, однако, в том, что право, называемое Кантом частным, еще не собственно право. Только через обнародование (публикацию) законов создается правовое состояние, формируется одна, объединяющая людей воля, такое состояние называется гражданским.

Весьма скрупулезно прописан Кантом принцип разделения власти и умело подобраны понятия, характеризующие суть каждой из ее ветвей: воля законодателя безупречна, способность к исполнению у правительства неодолима, а приговор судьи неизменяем. Так, разумеется, должно быть. А что делать, если в реальности все обстоит иначе? Ответ нашего мыслителя, переписавшего французский либерализм на немецкий манер, удручает: народ обязан терпеть злоупотребления власти, даже те, которые считаются невыносимыми. У него нет никакого права на возмущение, и еще в меньшей степени – на восстание.

Это писалось через двадцать лет после того, как по ту сторону Океана появился документ («Декларация независимости») с такими, в частности, строками: «когда длинный ряд злоупотреблений и насилий… свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа».

В учении Канта присутствует ныне общепризнанная идея перераспределения доходов: государство через налогообложение принуждает состоятельных граждан доставлять средства на содержание бедных. Попрошайничество приравнивается к разбою и должно быть наказуемо.

Теория наказания Канта весьма сурова. Качество и мера наказания определяются просто, из принципа: то, что ты причиняешь другому, не заслужившего того, ты причиняешь и самому себе. Это – ветхозаветное право возмездия, но осуществляемое в рамках правосудия, а не частным образом. Смертная казнь за убийство не была для Канта проблемой. Раз ты убил, значит, ты должен умереть. Даже если народ вздумает, к примеру, прекратить свое существование, рассеявшись по свету, последний, находящийся в тюрьме убийца, должен до этого быть казнен. Принципиален Кант, ничего не скажешь. А ведь и в то время были люди, доказывавшие неправомерность смертной казни. «Все это – софистика и крючкотворство» (стр. 260): брюзжит в ответ Кант, слывший среди советских философов гуманистом высшей пробы.

Не будем, впрочем, слишком критичны. В правовой философии Канта воплощена его основная этическая идея об автономии воли. А из нее следует определение гражданской свободы, которое означает следующее: каждый волен не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие. Значение этого теоретического положения для устроения демократического правления неоценимо. В небольшом разделе книги – «Право гражданина мира», вырисовывается идея прав человека в современном ее толковании. В конце книги выдвигается принцип: «никакой войны не должно быть». И, наконец, здесь же отстаивается, пожалуй, самая популярная в демократическом мире формула: «Наилучший строй тот, где власть принадлежит не людям, а законам». Именно эти идеи и принципы определяют содержание правовой философии Канта.

Гегель «Философия права»

Это сочинение с полным правом называют последним в истории философии «Tractatus politicus» (политическим трактатом). Гегель

представил в нем общество в целом. И оказалось, что кроме права в обществе вообще ничего нет, т.е. все, как говорят, регуляторы социальных отношений суть формы права. Но это не просто разные формы. Это - этапы осуществления (реализации) свободы. Общество развивается по пути свободы.

Предисловие. Главная мысль, здесь присутствующая, весьма актуальна для людей, живущих в так называемых трасформирующихся обществах. Вот она: поучать государство, каким ему надлежит быть, – пустое занятие. Гегель на это не претендует. Он пытается постичь государство, показать, как государство должно быть познано. А что касается поучения, то для этого философия всегда приходит слишком поздно. Здесь и появляется образ Совы, начинающей свой полет с наступлением сумерек. То, что свершилось днем, уже не может быть изменено. Почему здесь речь о государстве? Потому что государство - нравственный универсум, т.е. высшая форма развития человеческого общежития. Еще одна красивая мысль: истина о праве, нравственности и государстве стара и общеизвестна. Она дана в публичных законах, публичной морали, религии. Переводя эту мысль на современный лад, можно сказать так: чтобы постигать общество, умному человеку не нужно читать книжки по обществоведению. Надо взять, например, Уголовный Кодекс, самый, пожалуй, серьезный юридический текст, и внимательно читать его статьи. Там есть все для понимания общества. Правда, надо еще быть умным, т.е. человеком, умеющим постигать разумное содержание.

Книга Гегеля была издана как руководство для его студентов. Однако, полагая, что она привлечет внимание и иной более простой публики, Гегель снабдил текст примечаниями и прибавлениями, в которых тяжеловесные конструкции своеобразно мыслящего университетского профессора приводились в соответствие с распространенными представлениями того времени. И в наше время, благодаря именно этим добавкам в «Философии права» можно что-то понять. Возьмем, к примеру, параграф первый Введения. Строго говоря, он состоит ровно из одного предложения, понять которое трудновато: «Философская наука о праве имеет своим предметом идею права – понятие права и его осуществление» [6]А далее следуют Примечание и Прибавление. Все вместе составляет неполную страницу. И достигается хотя бы предварительное понимание слова «идея». Философия права, в отли-

---

[6] Г.Гегель. «Философия права», М., 1990, стр. 59. Далее в этом разделе при ссылках указываются только страницы этого сочинения.

чие от юриспруденции, имеет дело с идеей права. А идея права есть свобода.

Гегеля можно назвать великим организатором. К его философии, как к никакой другой, подходит затасканное ныне слово система. Весь универсум знаний он представил в виде глобального ветвящегося процесса. Знающий читатель спросит, почему не развивающегося процесса. Так ведь обычно говорят. Можно и «развивающегося», если под развитием понимать то, что противоположно свитию. Раз-витие… Написавши так, мы сразу схватываем смысл этого слова. «Семя имеет дерево в себе и содержит всю его силу», пишет Гегель. Семя и дерево, из него выросшее, в сущности - одно и то же. Семя развивается или разветвляется в дерево. Для чего? Для того, чтобы выполнить единственное предназначение живого– размножиться.

Взглянем на Содержание: книга имеет три части, и в каждой три раздела. Три – это не случайность и не желание Гегеля. Иначе просто не может быть. Такова, так сказать, природа вещей. Если двинуться дальше, т.е. раздробить разделы, выйдет новых три единицы. Не больше, и не меньше. Так устроен мир и такова мысль, что в сущности - одно и то же. Если что-то существует (мыслится), то только потому, что существует (мыслится) его отрицание. Это – как бы первичное разветвление, разделение надвое. Но разделенное жаждет единства, единения. Так образуется круг.

Главный персонаж «Философии права» вовсе не право. Это – нечто антропологически глубинное, а именно - воля. «Почвой права, пишет Гегель, является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна» (стр. 67). Иными словами, свобода есть определение воли. Или так еще: свободное есть воля. «Воля без свободы – пустое слово, так же как свобода действительна лишь как воля, как субъект» (стр. 68). А право есть свобода как идея. В «Философии права» изображено развитие идеи свободы. Каждая ступень этого процесса обладает своим собственным правом, ибо является наличным бытием свободы. Ступеней же всего три, и, стало быть, существует три формы права – абстрактное право, моральность и нравственность.

АБСТРАКТНОЕ ПРАВО. Слово «абстрактное» имеет здесь оттенок недостаточности. Одностороннее, однообразное, одномерное, элементарное, лишенное жизненной полноты и богатства – вот что имеется в виду. Абстрактное право - это формальное право абстрактной личности. Можно сказать, что это первый этап объективного духа, а, переводя взгляд на человека (на этом этапе), что здесь начинается человек юридический. Только состоявшись в качестве правоспособно-

го лица, человек может идти дальше – обретать моральное и нравственное состояние. Здесь уместно вспомнить о формуле Владимира Соловьева – право есть минимум нравственности.

Личность составляет абстрактную основу абстрактного права. «Отсюда, замечает Гегель, веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц» (стр. 98). Это предписание приводит и Кант в «Метафизике нравов», ссылаясь на римского юриста Ульпиана, у которого оно имеет такой вид – «живи согласно праву». Если сравнить эту формулу с заповедью «возлюби ближнего, как самого себя», легко почувствовать и здесь (в этой формуле) некий минимум. Формально эти два выражения тождественны: относись к другому, как к самому себе. Однако качество отношения различно. И можно сказать, что уважение другого в качестве лица необходимо, чтобы исполнилась заповедь христианская. Любовь предполагает позитивную активность, т.е. добро творится. Для уважения в контексте абстрактного права достаточно не делать зла.

Вне лица есть вещь – нечто несвободное, безличное и бесправное. И появляется вторая важная категория абстрактного права – собственность. Эта категория указывает на расширение масштаба свободы. Воля перестает быть чистой субъективностью и помещается или проникает во внешнее, т.е. в вещь. Дальнейшее освобождение предполагает три этапа: завладение, пользование и отчуждение. Здесь надо заметить, это делают обычно комментаторы, что Гегель вкладывает в юридические термины особый спекулятивный смысл. И этому есть объяснение (оправдание) – его ведь интересует в конечном счете идея права и философия права.

Итак, продвигаясь от лица к собственности, дух продвигается в своем самосознании или освобождении. Исторически этому процессу понадобилось тысячи лет. Свобода лица стала утверждаться благодаря христианству, свобода собственности «лишь со вчерашнего дня получила кое-где признание в качестве принципа» (стр. 118). Гегель, повидимому, предполагал, что на этом пути предстоят фантастические откаты из-за наивного человеческого нетерпения.

Затем появляется договор. Сферу договора составляет опосредование. Оно заключается в том, что человек обладает собственностью уже не только посредством вещи и своей субъективной воли, но также посредством другой воли и, стало быть, общей воли. Вспомним, далее, что Кант подвел под понятие договора и брак. Гегель называет это подведение «позорным». Негативно относится он и к идее общественного договора, т.е. попыткам рассматривать государство либо как договор всех со всеми, либо как их договор с государем или правительс-

твом. Государство, считает Гегель, есть цель в себе и для себя. Индивиды, сколько бы их не было, сами по себе еще не составляют государство. И они не могут действовать по отношению к нему, руководствуясь частными соглашениями.

Наконец дело доходит до неправа (unrecht). Этой формой абстрактное право исчерпывается. Само неправо существует в трех видах: как юридическое заблуждение («неправо представляется мне правом»), как обман и как преступление. Это - три этапа развития единичной воли, противополагающей себя воле всеобщей. Далее с логической необходимостью наступает наказание, т.е. усилие всеобщей воли, направленное на возвращение отпавшей единичной воли. Раз усилие, стало быть, - принуждение и насилие. Но не так, что преступник подвергается физическому воздействию как зверь, которого надо обезвредить или запугать. В наказании содержится собственное право преступника. И этим он почитается как разумное существо, т.е. наказать преступника, значит оказать ему честь тем, что будет восстановлена свобода его воли. Таким образом, душа человека научается через неправду правде (И.А.Ильин). Вообще через абстрактное право душа научается жить единым правом, но только лишь во внешних делах. Этого мало, душе надобно углубиться, обратиться к себе, «иметь себя против себя самой». Здесь и происходит переход от абстрактного права к моральности.

МОРАЛЬНОСТЬ. В философии Гегеля понятие «истина», как, впрочем, и другие понятия, трактуются в особом смысле. Истиной низшего является высшее. Так вот, мораль есть истина абстрактного права. Вступив в моральное состояние воля переходит на более высокий уровень свободы. Она направлена уже не к внешнему (вещи), но к внутреннему, т.е. к себе. Она становится субъектом – активно действующим началом. На уровне абстрактного права человек обязан не причинять зла, и только. На уровне морали он призывается к поступку. Далее, будучи субъективной, моральная воля недоступна для внешних принуждающий воздействий. Принуждением можно изменить поведение человека, но не убеждение.

Основные категории, раскрывающие смысл морального сознания таковы: умысел и вина, намерение и благо, добро и совесть. У читателя может возникнуть вопрос о первой паре – почему эти понятия относятся к сфере морали, а не к формальному праву? Здесь снова надо учесть своеобразие философско-правовых воззрений Гегеля. Многие понятия юриспруденции Гегель толкует не так, как юристы. Но в логической строгости его не упрекнешь. Раз формальное право имеет дело только с девиантным (отклоняющимся) поведением, т.е. с внеш-

ними действиями, значит умысел и вина не могут относиться к его компетенции. Ведь это – внутренние состояния. Формальное право не интересуется мотивами. Оно рассматривает ущерб, причиняемый внешними действиями человека, и требует восстановления исходного порядка бытия, либо, если это невозможно, компенсации ущерба. Современным примером такого юридического мышления может быть, по-видимому, норма шариатского права, согласно которой даже убийство может быть компенсировано выплатой близким убитого денежной суммы.

Как все переходное, моральное сознание внутренне противоречиво: здесь особенная воля ищет всеобщего добра. И не может найти, в силу противоречия особенного и всеобщего. Моральная воля знает долг, пытается творить долг ради долга. Но это происходит в борьбе с чувственными влечениями. Этот разлад, раскол между законом долженствования и чувственностью есть качество морального сознания. Сущность морали – борьба с чувственностью. А вот, как чувственность будет побеждена, что тогда? Тогда мораль исчезнет за ненадобностью. Мораль не желает такого исхода, и отодвигает свою победу в «туманную даль».

В общем, мораль не вызывает у Гегеля возвышенных чувств. Разве что ее развитые формы - добро и совесть. Добро как реализованная свобода, абсолютная конечная цель мира и совесть как глубочайшее внутреннее одиночество. До этого полного погружения в себя впервые, считает Гегель, дошел современный мир. Культуры прошлого, ориентированные на нечто внешнее и данное, не ведают совести. Совести, знающей саму себя как мышление и то, что «это мое мышление единственно обязательное для меня» (стр.178).

НРАВСТВЕННОСТЬ. «Нравы, - пишет Гегель, - являются тем, чем не являются еще право и мораль, а именно духом» (стр. 205). Нравственность есть духовность, на этом высшем уровне своего развития воля становится волей духа. Таким образом, дух есть центральная категория этого раздела «Философии права». Дух есть то, что исцеляет, т.е. вносит целостность, благодаря чему единичности сращиваются в единый организм. Как некий эфир дух проницает все, связуя и единя, являя собой чистую активность и саму жизнь. В своем развитии дух проходит три состояния. Непосредственный или природный дух есть семья. Далее, появляется единство самостоятельных индивидов, единство на основе их потребностей и правового устройства. Это – гражданское общество. Наконец, является зрелый венец семейной и общественной жизни – государство. В государстве присутствуют два

момента – связность, свойственная семье, и автономность лиц, свойственная гражданскому обществу.

Семья предполагает брак, общее имущество и воспитание детей. Истинная семья основывается на нравственном единении, т.е. любви. Чего только не говорили люди о любви! Для Гегеля, воспевающего логику, эта материя - «самое чудовищное противоречие, которое рассудок не может разрешить» (стр. 209). Действительно, в любви человек не хочет быть самостоятельным лицом для себя, и если он таковым является, то чувствует свою недостаточность и неполноту. А, с другой стороны, он обретает себя в лице другого и обладает в нем значимостью. Брак носит нравственный характер, поэтому ему противопоказана страсть. Ее присутствие делает брак неустойчивым и подверженным расторжению. Однако закон должен всячески препятствовать этому, охраняя право нравственности от случайного желания.

Далее мы знакомимся с субстанциональной жизнью мужчины и женщины в браке. Удел мужчины – борьба и труд, т.е. выход во внешний мир, женщина сосредоточена на самой семье. Гегель допускает, что женщины могут быть образованными, но для высших наук не созданы, ибо не обладают всеобщим и идеальным. Вряд ли соответствует современному умонастроению уподобление Гегелем характера мужчины животному, а характера женщины – растению. Да простят ему феминисты склонность к философской поэзии. Труднее простить другое – то, что муж по праву главы семьи представляет ее как правовое лицо, ему же принадлежит право распоряжаться и управлять семейным имуществом.

Философия воспитания у Гегеля сурова. Главное здесь – дисциплина, «смысл которой в том, чтобы сломить своеволие ребенка, истребить в нем чисто чувственное и природное» (стр. 220). Надеяться при этом на одну лишь доброту не стоит.

Понятие «гражданское общество» сегодня популярно. А популярность, как известно, теоретическим продуктам только вредит. Небесполезно поэтому поверять классикой газетные дискуссии о формировании гражданского общества. Гегель помещает гражданское общество между семьей и государством. Это «между» можно понять так: сначала возникает семья, затем гражданское общество, а потом уже государство. Но как быть с такой оговоркой Гегеля – «хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства» (стр. 228). По-видимому, речь идет о двух смыслах слова «государство». Существует государство как факт, скажем, тоталитарное или отеческое государство. Но разве это то государство, которое Гегель называет государством «по понятию»? Нет, конечно. При тоталитарном

государстве общества вообще нет. И ему надлежит образоваться, когда дряхлый режим сдаст свои позиции. Государство же по понятию божественно, ибо оно есть «шествие Бога в мире», или – высшая форма жизни Бога в земной жизни людей. Такого государства нигде нет и не будет. Но именно к нему движется в своем развитии гражданское общество. Там же, где нет гражданского общества, там царит дух семьи. Там демократически настроенные люди ведут разговоры о формировании гражданского общества.

Гражданское общество начинается с разбегания семьи, с появления частных лиц. Устанавливается состояние, при котором каждый для себя – цель, а остальные для него ничто. Такой разброд и разъединение исключает нравственность как целостную форму жизни. Однако, преследуя свои собственные интересы, частные лица, не осознавая того, служат друг другу. Они естественным образом создают сеть связей, а на языке Гегеля, всеобщее. И образуется гражданское общество, содержащее в себе три момента: а) систему хозяйственной жизни, б) защиту собственности посредством правосудия, в) заботу о порядке с помощью полиции и внимание к частному интересу как к общему с помощью корпорации.

Государство есть высшая форма нравственности. Дело для индивида вовсе не обстоит так, что он решает, быть ему членом государства или не быть. «Сам индивид, - пишет Гегель, - обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства» (стр. 279). В природе и в государстве проявляется мудрость Бога. Человек должен постигнуть государство, а сделать это «бесконечно более трудно», нежели постигнуть природу.

Важный вопрос о государстве – разделение властей. Гегель признает (теоретически) известную в то время триаду: законодательная власть, исполнительная и судебная, но придает судебной власти специфику, незнакомую современной политической теории. Законодательная власть соответствует всеобщности, определяет и устанавливает всеобщее. Исполнительная или правительственная власть соответствует особенности, подводит особенные сферы и отдельные случат под всеобщее. Или, иначе говоря, эта власть правит, исполняя закон. «Судебная власть не есть третий момент понятия», замечает Гегель. Ее единичность лежит вне указанных сфер. Оказывается, что это не просто одна из ветвей власти, но власть государя, в которой различенные власти объединены в индивидуальное единство. Поэтому судебная власть есть вершина и начало целого – конституционной монархии.

Учение Гегеля о государстве не утратило своего значения и сегодня, особенно для тех сообществ, в которых более или менее естест-

венно формируется демократический государственный строй. Государство – нечто большее, чем порождение мысли. Оно строится веками, само собой и отвечает сознанию разумного, как оно развито в данном народе. Стало быть, каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит. Далее Гегель последовательно рассматривает каждую ветвь власти.

Монарх (государь) есть одновременно самое единичное и самое всеобщее. Речь идет об олицетворении – глубинном психологическом процессе, когда нечто сверхличное переживается как личное существо. «Государство – это Я!» – глупость только для обывателя-демократа, считающего, что монарху дозволено действовать абсолютно произвольно. На самом деле монарх при наличии конституции связан процедурой. И ему часто остается только подписать документ, или, как выражается Гегель, «поставить свое имя». «Но это имя важно; это – вершина, за пределы которой нельзя выйти» (стр. 323). Особенности характера монарха вообще не имеют значения. В государстве с совершенной организацией правления все дело только в наличии вершины формального решения. «Монарх должен быть лишь человеком, который говорит «да» и ставит точку над i» (стр. 324). Необходимо, однако, чтобы люди с очевидностью обнаруживали монарха как личность. Такую возможность предоставляет ему, например, право помилования преступника.

Исполнительная (правительственная) власть осуществляет применение законов, сохранение учреждений, принимает меры, направленные на общую пользу. Этим занимаются чиновники – люди, составляющие основную часть среднего сословия, представляющие собой средоточие государственного сознания и выдающейся образованности. То, что они делают, есть ценность в себе и для себя. Читая это место, ясно понимаешь выражение «государственная машина». Чиновничий аппарат – действительно машина, на этом уровне вопрос «для чего?» не имеет смысла. Гегель приводит пример неразвитого государства, неразвитого потому, что в нем нет среднего сословия. Это – Россия начала Х1Х века.

Законодательная власть создает и усовершенствует законы, а также ведает совершенно общими по своему содержанию внутренними делами. Благодаря этой власти осуществляется строительство государства. В Гегеле часто проглядывает тонкий стилист. Вот он ярко описывает то, что сегодня называют законодательным процессом. Государственный строй и есть, и вместе с тем он становится, «продвигается в своем формировании». Так, мало-помалу, внешне спокойно и незаметно он, по прошествии

времени, оказывается совершенно иным, чем был. Этот процесс протекает при участии монарха, правительства и сословий. Сословие – нечто вроде элемента социальной структуры общества. Имеется всеобщее сословие (люди, несущие правительственную службу), промышленное, земледельческое и т.д.

В конце книги Гегель набрасывает картину всемирной истории. Это – история всеобщего духа, который последовательно избирает в своем поступательном движении некоторые народы как своих представителей. Каждый из них становится на время господствующими во всемирной истории. Схематикой ныне не увлечешь, вряд ли кто воспримет всерьез мысль о том, что германский народ - венец развития человечества, и ему оказана честь завершить историю. Впрочем, не это главное. Терпеливо проследив развитие гегелевской мысли на протяжении всей книги, мысли, порой удивительно прозрачной, а большей частью туманной, как и подобает немецкой философской мысли, читатель, пожалуй, согласится с тем, что его знание о праве стало более определенным.

Насколько удалось выполнить поставленную задачу, – перечитать два классических текста в свете современных проблем философии права, - судить читателю. Чего, однако, нельзя не заметить, так это масштабности мышления разбираемых авторов. Рассуждая о праве, они продолжали развивать собственную философию. Вместе с тем, они обращались к конкретным правовым проблемам. Это единство абстрактного и конкретного следовало бы выдерживать сегодня. Необходимо путем свободных обсуждений терпеливо создавать интеллектуальную атмосферу, в которой действовали бы все те, кому надлежит строить в Украине демократическую и адекватную современным условиям правовую систему. Речь не идет о так называемом методологическом обеспечении. У философа нет интеллектуальных полномочий указывать, а тем более, руководить этой работой. Достаточно внятного разговора о самоценности человеческой индивидуальности, о равенстве, как ключевой категории правового общества, о предназначении права обеспечить человеку реализацию его способностей, о примате говорения над силой при разрешении конфликтов, о философской антропологии как основе философии права.